

Не излагаю содержания очерковъ: я не ставлю себѣ задачей литературную рецензію. Миѣ хотѣлось только обратить на эту книгу вниманіе читателей и переводчиковъ Произведеніе Сильвіо Пеллико было когда-то переведено на всѣ языки, — идетъ ли Шпильбергъ въ сравненіе съ Лубянкой?

М. Алдановъ.

Толстой и о Толстомъ. Новые матеріалы Сборникъ третій. Редакція Н. Н. Гусева и В. Г. Черткова. Москва, Изд. Толстовскаго Музея, 1927.

Изъ матеріаловъ въ сборникъ помѣщены: письмо Толстого къ литератору Александрову (1882), являющееся какъ бы первымъ наброскомъ «Что такое искусство», въ которомъ мысли, вполнѣ развитыя въ этой статьѣ, высказаны съ исключительной даже для Толстого рѣзкостью и категоричностью, по и элементарностью; статья 1889 года объ искусствѣ, являющаяся вариантомъ письма; воспоминаніе надзирателя Бутырской тюрьмы И. М. Виноградова о его свиданіяхъ съ Толстымъ въ 1897 г., когда Толстой работалъ надъ «Воскресеніемъ» (не дающія чего-либо существенно новаго) и совѣмъ безсодержательная (впрочемъ и очень коротенькая — одна страничка) записъ С. І. Бродовскаго, начальника Тульской Тюремъ о встрѣчѣ съ Толстымъ по тому же поводу. Наконецъ, интереснѣйшія воспоминанія В. А. Молочникова («толстовца») о своемъ знакомствѣ съ Толстымъ (подъ заглавіемъ «Свѣтъ и Тѣни»). Редакція въ своемъ примѣчаніи указываетъ, что воспоминанія Молочникова являются первымъ печатаемымъ документомъ, характеризующимъ типъ «воинствующаго толстовца»; но воспоминанія Молочникова интересны не однимъ этимъ: они подкупаютъ серьезностью, благородствомъ тона, благоговѣйнымъ отношеніемъ къ Толстому -- и это служитъ извѣстнымъ ручательствомъ въ томъ, что то, что въ нихъ сказано о Толстомъ, сказано правдиво и точно. Одна бесѣда Толстого съ Молочниковымъ очень важна для пониманія его міросозерцанія. Толстой коснулся ученія Шопенгауэра о Волѣ: «у него все хорошо, кромѣ той метафизической ошибки, гдѣ въ основу жизни поставлена воля. Замѣни слово «воля» словомъ Богъ, и я готовъ подписаться подъ разсужденіями Шопенгауэра». Эта бесѣда происходила въ 1908 г. Между тѣмъ еще Левинъ попробовалъ замѣнить въ философіи Шопенгауэра «Волю» «Любовью» и это «на нѣсколькихъ дней» принесло ему облегченіе, а потомъ онъ отбросилъ это «какъ кисейную негрѣющую одежду». То, что черезъ тридцать лѣтъ Толстой повторяетъ однажды неудавшійся опытъ, прежде всего лишній разъ доказываетъ, какъ прочно сидѣло въ немъ пессимистическое ученіе Шопенгауэра. Что же выиралъ онъ, оставившись на этомъ новомъ вариантѣ? Приведу продолженіе бесѣды: (Молочниковъ) «Я считаю человѣка какъ-бы представителемъ божества на землѣ». (Толстой): «Согласенъ, но божества относительнаго, а не абсолютнаго. Абсолютнаго божества мы не можемъ представить себѣ, оно безконечно. Не только съ физической стороны, но съ духовной мы — клѣтки ка-

кого-то большого организма, который, в свою очередь, есть тоже одна из клеток еще большего, и этот — еще большего организма, и т. д. Это — «дурная бесконечность», и ничего больше.

Толстой был глубоко религиозной натурой. Но это был «чистый мистик». «Религиозный опыт» означал для него полное слияние с Богом. В моменты религиозного подъема он не отделял себя от Бога, как в другие — не отделял себя от природы. Поэтому он не мог мыслить вне-мирового Бога хотя и чувствовал, что Бог и Природа не одно и то же.

Кроме материалов и статей к ним, есть и статьи самостоятельного значения. Для исследователей художественного творчества Толстого некоторую пользу может принести добросовестная работа М. Цявловскаго «Какъ писался романъ Война и Миръ», не совсем отвѣчающая заглавію, ибо она посвящена исключительно «внѣшней исторіи» романа. Статья Н. Апостолова, «Толстой и Гончаровъ», имѣетъ цѣлью показать, что оба они «какъ-то тяготѣли одинъ къ другому, признавая положительныя стороны въ писательской дѣятельности другъ друга» (sic!). Авторъ сожалеетъ, что размѣръ статьи не позволяетъ ему изложить «живыя причины» этого тяготѣнія. Проблема, явно выдуманная и вымученная. Что Гончаровъ «тяготѣлъ» къ Толстому (насколько Гончаровъ вообще способенъ былъ къ кому-либо или къ чему-либо «тяготѣть») — понятно безъ дальнихъ словъ. Что же касается Толстого, то его отзывы о Гончаровѣ, приводимые самимъ же авторомъ, показываютъ, что никакого «тяготѣнія» къ Гончарову у Толстого, конечно, не было. Просто, онъ Гончарову отдавалъ должное: «средній писатель», «высоко не залетаеть»; Достоевскій — «настоящій писатель, не какой-нибудь Гончаровъ». У «среднихъ талантовъ» есть одна положительная сторона: они «пишутъ ровнѣе: высоко не залетаютъ, но и особенно низко не спускаются, напримѣръ, Писемскій, даже Гончаровъ». Авторъ приводитъ, правда, запись изъ Толстовскаго дневника за 1856 г.: «читаю прелестную Обыкн. Исторію». Отзывы толстовскаго дневника иногда поражаютъ своей какой-то, словно намѣренной, случайностью и небрежностью. «Читалъ какую-то дичь Бальзака», находимъ въ дневникѣ 1855 г. При этомъ оказывается, что эта «какая-то дичь» такъ его захватила, что онъ бросилъ собственную работу.

Въ другой статьѣ («Лиловый цвѣтъ въ творествѣ Толстого») тотъ же авторъ привелъ рядъ цифръ изъ Толстого, подобранныхъ по при знаку упогребченія эпитета «лиловый», и сдѣлалъ выводъ, «что «лиловый» былъ у Л. Толстого однимъ изъ любимѣйшихъ эпитетовъ». Изъ сноски, сдѣланной авторомъ, явствуетъ, что уже въ 1882 г. было отмѣчено (М. Бѣлинскимъ - Ясинскимъ) «пристрастіе» Толстого къ лиловымъ тонамъ. Такъ это или нѣтъ, не берусь судить. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы дѣлать какіе-либо выводы, надо было бы провѣрить, не встрѣчаются ли у Толстого столь же часто упоминанія и о другихъ цвѣтахъ. Красочность видѣнія иногда бываетъ очень характерна для писателя (Бунинъ!).

П. Биццали.